

Нет такого человека на земле, который жил бы без сердца и души, который бы не впитал в себя живительные соки своей родины. Не здесь ли и поэту «легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле»? Там, где холмы по обе стороны неширокой речки Толшмы, где видны на холмах деревеньки, погосты, «а возле сказочной часовни стоит берёза старая, как Русь», где самая ненастная погода никогда не портит настроение – звучит могучая, печальная музыка северного края. В селе Емецке, стоящем у впадения речки Емцы в Северную Двину, 3-го января 1936 года родился замечательный русский поэт Николай Рубцов.

Сухона, Толшма, древняя Тотьма, село Никольское, Вологда – вот до слёз любимые места поэта. Здесь его «Михайловское», здесь трагически оборвалась его жизнь...

Раннее сиротство (смерть матери), детдом, скитания по России с вечной бездомностью: Северный флот, Рига и Ленинград, Москва и Ташкент, Урал и Алтай... И везде душа хранит «всю красоту былых времён», «берёзы, избы по буграм и, отражённый глубиной, как сон столетний, Божий храм».

Неуёмный дух скитальца, доверчивость поэта к людям, несмотря на равнодушие многих к его судьбе, неистребимая, жгучая любовь ко всему живому, светлому и доброму – вот это отразилось в пронзительных стихах поэта:

*И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси.*

Истоки лирического чувства его поэзии идут из мира растения, дерева, животного, из мира согласия Человека и Природы, их взаимопроникновения и сопереживания.

Николай Рубцов (друзья, собраты по перу звали его Колей) – удивительно чуткий к родной сторонке, к любой живой душе.

*С каждою избою и тучей,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

В стихотворениях Рубцова – и воробей, чуть живой, «не становится вредным оттого, что так трудно ему», бедный заяц, горестно вздыхающий о своём защитнике и спасителе – дедушке Мазае, медведь, который «не чувствовал вины», «за что его убить хотели?», ворона «суется на заборе», «ведь ни зёрнышка нет у вороны и от холода нет обороны»... Мелкий, казалось бы, факт обыденной жизни – «выпал птенец из гнезда» ласточки, и нет для лирического героя, для сердца поэта – маленькой трагедии:

«Ласточка! Что ж ты, родная, плохо смотрела за ним?» И веришь автору: «Перед всем старинным белым светом я клянусь: душа моя чиста. Пусть она останется чиста до конца, до смертного креста!»

Душа поэта впитала в себя безоглядную русскую удаль, неотвратимую трагичность и быстротечность времени, трепетную любовь к родному уголку, не потеряла надежды, не озлобилась. Совестьливый и деликатный по натуре, он часто бунтовал из-за постоянной неустроенности и нищеты в жизни. Спасало его бескорыстная природная щедрость, искренность и непосредственность живущего в нём ребенка. Вот он – на рыбалке: «Червяки-то какие хорошие, прямо слюнки текут...»

*Снег летит – гляди и слушай!
Так вот – просто и хитро, –*

Жизнь порой врачует душу...

Ну и ладно! И – добро.

В своих письмах из Никольского Рубцов признавался: «А ещё есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору всё-таки не бездомный». «Люблю первый лёд по озёрам и речкам, люблю, когда в воздухе носится первая зимняя свежесть». «Первым делом, как приехал сюда, закинул удочки в холодную воду – ничего не попало. Сходил в лес...» «Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики!» «Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю её, как могучую печальную музыку... Конечно, не любая сельская местность может быть по душе».

Удивительно светло и тихо от стихов, полных глубокого, мудрого чувства, величественного спокойствия и ясности, осознанного своего прихода на свет. «Но есть резон в том, что ты рождён поэтом, а другой – жнецом рождён». «Я же не виноват, что меня мать родила поэтом», – сокрушённо говорил не почитаемый в литературных кругах Рубцов и не без удовольствия добавлял: «Был бы я скотником на деревне – мне бы цены не было». Характерно признание поэта, что у него «есть своя тема, данная от рождения, деревенская». «И не лепите ко мне идиллии».

Многие стихи его кажутся элементарно простыми, традиционными, нет крутых современных слов, но в них главное – поэзия, богатство переживаний, духовная чистота и высокая нравственность, правда народной жизни, общеинтересное. В письме к А. Я. Яшину говорится: «Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного

содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». Он рано повзрослел, но сердце не очерствело, не ожесточилось. Без громких слов и трескотни, застенчиво и скромно, с присущим ему юморком, с доброй душой вошёл в русскую поэзию Николай Рубцов и остался навсегда с незабвенными: «Добрый Филя», «Русский огонёк», «Журавли», «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны», «Подорожники»...

Самые любимые у него слова – «душа», «тихий», особенно «жёлтый», «чистый», «светлый», «ветер», «листья». В них точность и ясность мысли, добытые постоянным упорным трудом над словом. В себе, в памяти, он носил многие стихи, многое с ним и ушло. Вспоминает Г. Володин алтайское лето с Рубцовым: «А где написанное? Не видел, чтобы ты и ручку-то держал». Коля разулыбался. ... Потом постучал перстом по своей лысеющей голове и проговорил: «Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются».

Милы сердцу поэта естественность, яркость и лаконичность разговорной русской речи, забористый язык земляков, сострадание ко всякой живинке, единое мироощущение с родиной в беде и в радости. Острота и символичность образов, весёлый зачин, некая залихватская удаль и простота, фольклорная основательность органично совмещается в его творчестве с беспредельной широтой русской души, неисчерпаемой тоской по уходящему мгновению.

Его поэзия наполнена «стихией света» (В. Кожинов), удивительным внутренним брезжущим свечением, идущим, видимо, от родного северного неяркого неба. Неуловимые переходы, скольжение звуков, состояние сдержанного восхищения сменой дня и ночи метко замечено В. Дементьевым

и обозначено как «предвечернее». Именно в такой песенной душе созрело и вылилось людям знаменитое:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

Куда клонилась муза поэта, видно по утверждённым навсегда строчкам:

*Тихая моя родина!
Ива, река, соловьи...*

В его «взрывчатой тишине» слышится трепет ветра у пруда, шуршание соломы на дворе, звон снежка в траве оледенелой, скрип сапог: «Сапоги мои – скрип да скрип под берёзою, сапоги мои – скрип да скрип под осиною...». «Нет, не найдёт успокоенья во мне живущий адский дух!»

В трудную годину жизни, во время одиночества, затворничества, в минуты срыва и надлома единственное облегчало его душу и лечило, это – Русь, путь-дорога, ветер, метель! И нет большего счастья, чем «Россия, дети и природа, и кропотливый сельский труд!»

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...*

«Странствовать я ещё не отвык. Главное – сдвинуться с места. А мне нравятся только поездки в разные места», – откровенно говорит поэт.

*Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...*

В начале мая 1966 года Николай Рубцов на Алтае, от журнала «Октябрь». Приехал в Барнаул, остановился у Матрёны Марковны Ершовой (сестра поэта В. Нечунаева), на другой день встретился с поэтами С. Вторушиным и Л. Мерзликниным, у Мерзликина переночевал, а через два дня был в Бийске и уехал в районный центр Красногорское.

9 Мая появился на пороге дома Геннадия Володина, секретаря газеты «Восход», с приветом от барнаульских поэтов, почти три месяца впервые имел комнату, творил в уме стихи, на столе были словарь Даля, библия... Плавал на теплоходе по Оби в деревеньку Кислуха, ему стали известны Горно-Алтайск, Эликманар, Чемал, Манжерок, недалеко – Телецкое и Белуха, о которых мечтал. Добрые воспоминания остались от встреч с поэтами и писателями – В. Чичиновым, Б. Укачиным, И. Пантюхиным... (В литературной среде он был не одинок, у него были адреса и телефоны многих – от В. Кожина, Ст. Куняева до Е. Евтушенко и И. Бродского).

От удивлённого «Ермак, Кучум...», «Сибирь, как будто не Сибирь!» он мысленно переносится в историческое прошлое Горного Алтая, в древнее – скифов и сарматов, образно и вдохновенно говорит об этом чудесном крае. Не стараясь глубоко вникнуть в историю татаро-монгольского нашествия на Алтай (1199 – 1207 гг.), поэт подолгу слушает шум и плач Катунь:

*Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,
Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...*

В горах – сосны, кедры, богатырские лиственницы, и кажется, всё как на родине:

*Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки –
И было б всё по-вологодски.*

Красота озера Ая, «бешеной Бии», «свирепой» Катуня, маленькой речки Майма, Чемала, родины алтайского художника Чороса Гуркина, Чуйского тракта покорила Рубцова, и он хотел вернуться сюда, на эти старые древние дороги, готов был переводить поэтов Горного Алтая...

В один из майских вечеров, по воспоминаниям Г. Володина, Рубцов взял гитару и пел свои стихи: «В горнице...», «Рукой раздвинув тёмные кусты» (Над вечным покоем), «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни...» (Прощальная песня)... В них много грусти. А какая поэзия без грусти? В судьбе поэта её хватало до слёз. Мотивы осени, уходящей молодости, сиротского одиночества навеяны самой жизнью и традициями русской лирики. Приметы её мы найдём в обращениях, восклицаниях, заклинаниях. Вечные вопросы добра и зла, жизни и смерти, тьмы и света неразрывно связаны в поэзии с родиной, без которой, где бы ни скитался, Рубцов не мыслит себя на земле...

Около четырёх месяцев жил на Алтае и странствовал, а стихи сложились навечно людям, верным себе остался в стихах сын вологодской земли:

*И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз...*

О народности поэзии, о символике образов поэта говорит много и досконально его исследователь В. Н. Бараков.

Особая тема у Рубцова – Бог. Его поэт касается осторожно, с какой-то боязнью и тревогой. Это – возвышенная, таинственная сила, «сказание библейских страниц», «святая красота», это медленное постижение всевышнего, сомнения на пути познания его. Дар божий даёт всё, в том числе и строку. «О чём писать? На то не наша воля!» Религиозные мотивы не чужды ему, они в сути восприятия окружающего мира русского человека, могущего молиться и быть навеселе. Отрицая религиозность, Ю. Кузнецов высоко ценил творчество Рубцова, особенно его стихотворение «Ветер всхлипывал, словно дитя...», где простота гениальных строчек щемит сердце: «И дыхание близкой зимы // Всё слышней с ледяного болота...». Знаменательны признания из письма к А. Яшину (3.11.1964) о любви к первому льду на озёрах и речках (а кто по нему не ходил?), они рождают известные ассоциации из жизни Иисуса Христа. «Хорошо и жутко ступать по этому первому льду – он настолько прозрачен, что кажется, будто ступаешь прямо по воде, бездонно-тёмной».

Яркий и самобытный талант, истинно народный поэт Николай Михайлович Рубцов, по мнению В. Астафьева, «почти восходит до гениальности» в своём откровении века – «Село стоит на правом берегу...».

Любовь к родине, священное чувство кровной связи с землёй роднит его творчество с великими русскими подвижниками слова:

*Я не один во Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной –
В печи берёзовый огонь...*

При жизни поэта вышло 4 сборника стихотворений. В 2000 году издательство «Терра» выпустило прекрасно оформ-

ленное трёхтомное собрание произведений Рубцова, в нём не только ставшие классикой известные стихи, но и ранние юношеские опыты, проза, статьи, письма, во вступлении подробно рассказывается о жизни и творчестве поэта. Об этом он и не мечтал.

Какие ещё прекрасные стихи написал бы Николай Рубцов, если б не когти «любительницы волков...». Жизнь закончилась трагически в 35 лет, его нет с нами, но доброго человека

*...всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Поэзия его современна как никогда, в ней слышится не только звон смутных и жестоких лет прошлого, но и тревога за будущее России, за душу русского человека, измотанного суетностью бытия, призыв к сохранению земли русской, чтобы вечно горела «звезда моих полей».

Обращаясь к родине, взывая к чувству гражданской ответственности, поэт пророчески предостерегает о новых варварах, нависших чёрной тенью над отчизной. И сегодня, когда продолжаются посягательства на честь и славу России, когда пошлость всепоглощающего быта возводится на пьедестал, слово его зовёт к духовной бдительности, не даёт успокоения душе.

Завещанием нашему современнику и грядущему неистово звучат слова-заклинания Николая Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Не могу не сказать о поэте:

*Растут его зелёные цветы
на Вологодчине, в Москве, в Сибири,
где вечер – в охре, полон тайн эфира,
где ткуются на руках ещё холсты.*

*Под сосен шум наводятся мосты,
меняются отжившие кумиры,
а люди жнут, залатывают дыры
и современные поют хиты.*

*Цветы печально могут говорить
и светлым чувством душу – озарить,
как флотскую, сиротскую, шальную,
что настрадалась, рано отошла,
России в дар навечно принесла
строку простую, добрую, родную.*

Горит его звезда, и в новом веке слышится могучая русская речь. Прислушаемся и мы к голосу большого поэта и станем душою чище, светлее:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*